

Хань Хуэй и Фу Ру находились в тюрьме Западной Ограды. Первый из них был непосредственным убийцей, а вторая – сообщником.

После вчерашних слов Ван Джи Тан Фан сделал вывод: это он ее убил.

Фигурантами по этому делу проходили четверо: Хань Хуэй был убийцей, Ла Мэй – пособником, а Юань Лян с Фу Ру – сообщниками.

Ла Мэй помогла Хань Хуэю спрятать иглу и сделала это добровольно, так как носила его ребенка. Однако подробностей произошедшего она не знала.

Хань Хуэй воспользовался помощью Юань Ляна, но он понятия не имел, зачем тот ему помогает.

Одна лишь Фу Ру знала о мотивах Юань Ляна: об его обиде и желании отомстить за наложницу Цзи. Именно Фу Ру разыскала Юань Ляна и, возможно, даже она и составила весь план. Ее роль в этом деле была огромной.

Кроме Тан Фана, Ван Джи и принца, только Фу Ру знала правду о Юань Ляне. Если бы она призналась в том, что Юань Лян таким образом хотел отомстить за наложницу Цзи, Благородная наложница обязательно бы возложила всю вину на голову наследного принца.

Теперь же со смертью Фу Ру исчезли и последние доказательства, что было, конечно же, только на руку Ван Джи.

Тан Фан несколько раз ходил в Западную Ограду, но так и не смог отыскать Ван Джи, а посему не мог знать достоверно, он убил придворную даму или нет.

Конечно, он подозревал, что Ван Джи намеренно избегает его, однако не мог с этим ничего поделать.

Без Ван Джи он даже через ворота дворца пройти был не в состоянии, поэтому не имел ни малейшего понятия о том, чем закончилось дело, что планируют делать Император с Благородной наложницей Ван, и не оказался ли наследный принц вовлечен во все произошедшее.

Лишь полмесяца спустя Ван Джи пригласил его в Западную Ограду и сообщил, что дело закрыто.

— И чем же все закончилось? – поинтересовался Тан Фан.

— Фу Ру затаила обиду на Благородную наложницу за бесконечные оскорбления, – ответил Ван Джи, – однако отомстить не решалась. Юань Лян был ее любовником. Наслушавшись ее жалоб, он случайно узнал, что Хань Хуэй хочет убить своего брата, и составил весь этот план. Фу Ру уговорила Благородную наложницу послать принцу суп, а Хань Хуэй заранее нанес удар Хань Цзао. Все трое спланировали это с целью подставить Благородную наложницу. Однако после признания Хань Хуэя Фу Ру испугалась и покончила с собой в тюрьме.

Практически то же самое он говорил Тан Фану тогда во дворце.

Тан Фан не стал ходить вокруг да около и спросил прямо:

— Смерть Фу Ру имеет какое-то отношение к Командующему Вану?

— Думаешь, это я ее убил? - ответил вопросом на вопрос Ван Джи.

Тан Фан молчал.

Молчание - знак согласия.

В комнате, кроме них двоих, не было ни души. Повисла гнетущая тишина.

Немного погодя Ван Джи спокойно ответил:

— Ты единственный человек, который знает, что произошло на самом деле. Так что я могу сказать тебе: я не имею никакого отношения к смерти Фу Ру, - он холодно усмехнулся: - У меня действительно была мысль заставить ее замолчать. Не ожидал, что она опередит меня. С этой женщиной определенно было что-то не так. Во время допроса из нее и слова было не вытянуть. Сначала она уверяла, что действовала в одиночку, затем сказала, что это Юань Лян первым нашел ее из-за смерти наложницы Цзи, и она не смогла отказать ему в его просьбе. Однако перед смертью Юань Лян ясно дал понять, что Фу Ру первой отыскала его. К тому же она находилась подле Благородной наложницы более десяти лет. Зачем ему было ждать так долго после смерти наложницы Цзи? Именно поэтому я считаю, что Юань Лян сказал правду.

— Юань Лян собирался умереть, - кивнул Тан Фан, - он не стал бы нам лгать.

Видя, что тот верит ему, Ван Джи немного просветлел лицом:

— Во время пыток она снова начал нести какой-то бред. Сказала, что следует воле Сына Небес! Какая нелепость! Я планировал выпытать из нее правду, а затем заставить ее замолчать, чтобы Благородная наложница не смогла выведать у нее информацию. Но эта женщина каким-то образом достала кусок меди из подсвечника на стене и умерла, порезав себе шею.

Тан Фан, ранее считавший, что это Ван Джи убил ее, нахмурил брови. Он не предполагал подобного.

— Фу Ру находилась в тюрьме в хорошо охраняемой Западной Ограде. Где она раздобыла оружие? И как у нее получилось проверить все это незаметно?

— Это означает, - усмехнулся Ван Джи, - что в Западной Ограде есть «проблемка». За Фу Ру определенно кто-то стоял!

— И какова же их цель? - задумчиво проговорил Тан Фан. - Спровоцировать конфликт между Благородной наложницей и наследным принцем?

Вполне возможно. Принц был очень молод, но уже обладал всеми задатками мудрого правителя: он был прилежен в учебе, со всеми вежлив, с уважением относился к учителям и с доброжелательностью - к подчиненным - все это вселяло в сердца людей надежду на светлое будущее, и вокруг него постепенно стала собираться толпа сторонников.

При Дворе было полно посредственных чиновников, однако каким бы темным и ужасным ни был этот мир, в нем всегда останутся изо всех сил стремящиеся к свету люди.

Взять, к примеру, Тан Фана. Он хоть и не относился к числу явных сторонников наследного принца, в своем сердце искренне желал защитить его!

Именно поэтому Благородная наложница Ван была так обеспокоена и возмущена: «Ты уже сейчас слишком быстро завоевываешь сердца людей. Что же будет потом, когда ты станешь Императором? Будет ли мне на кого опереться?»

Так что, если бы кто-то хотел разжечь конфликт, начать с этих двоих было бы весьма логично.

— Из-за этого мне пришлось пойти во дворец, - проскрежетал Ван Джи сквозь стиснутые зубы, - чтобы извиниться перед Благородной наложницей и выслушать ее брань. А по возвращении снова занялся зачисткой в Западной Ограде. Однако поймать удалось лишь парочку мелких сошек. Я так и не смог выйти на главного заговорщика. Это означает лишь одно: прячется он где-то очень глубоко. И лучше бы ему не попадаться мне, иначе я запытаю его всеми доступными Западной Ограде способами!

Его слова просто полыхали жадной убийства, так что даже сидевший напротив него Тан Фан, казалось, ощутил смертоносную ауру, ударившую ему прямо в лицо, как будто она была чем-то осязаемым.

Ван Джи все спланировал с самого начала, но его план провалился. То, что Фу Ру смогла покончить с собой в таком месте, как Западная Ограда, означало, что внутри Ограды затаился враг. Однако действовал он настолько скрытно, что его было невозможно обнаружить. Как Ван Джи было не злиться?

К счастью, он пользовался благосклонностью Императора и Благородной наложницы, так что отделался одним лишь выговором. В противном случае он бы уже распрощался со своей политической карьерой.

— А что насчет Хань Хуэя? - спросил Тан Фан.

— Что же еще?! - сердито отвечал Ван Джи. - Он вообще ничего не знает! Лишь послушал Юань Ляна и совершил убийство. Делал то, что ему велено! Он уже признался, а значит, его скоро переведут в Министерство наказаний! Теперь он их головная боль, а не Западной Ограды!

Тан Фан кивнул. После казни Хань Хуэя душа Хань Цзао сможет упокоиться с миром.

Подумав об этом, он невольно вздохнул о судьбе Хань Цзао.

Хань Цзао был поздним ребенком Хань Фана и госпожи Лин, они чрезмерно любили и опекали его. Однако он не был похож на избалованного богатенького сынка вроде Чжэн Чэна. Он очень любил своих родителей, уважал старшего брата и переживал из-за того, как госпожа Лин относилась к нему. Хань Цзао дал своему мальчику-слуге столь забавное прозвище (Маленькое Пирожное), что показывало, насколько милым ребенком он был.

Тан Фан никогда не встречался с ним, но по тому, как горевали по Хань Цзао Хань Фан, госпожа Лин и наследный принц, видел, как его все любили. Какая жалость, что этот хороший ребенок в конечном итоге погиб от руки одержимого злобой любимого старшего брата.

Кроме того, если бы госпожа Лин не обращалась так жестоко с Хань Хуэем, Хань Цзао бы не стал в расстроенных чувствах жаловаться Юань Ляну, и тот бы не узнал о ситуации в семье Хань, и не смог бы воспользоваться этим, чтобы совершить преступление.

Как уже было сказано, у всего есть причина и следствие.

Ван Джи был очень разочарован тем, что в Западной Ограде завелся шпион. Это могло иметь не самые приятные последствия. Тан Фан не стал его расспрашивать, однако тот, напротив, был не прочь обсудить с ним ситуацию:

— Как думаешь, это дело может быть связано с Императором Цзинтаем?

Тан Фан ужаснулся и тотчас ответил:

— Это серьезно! Не стоит бросаться случайными обвинениями!

— Мы с тобой тут одни, - раздраженно отвечал Ван Джи. - И можем спокойно поболтать о чем вздумается. Что не так?

Император Цзинтай, о котором говорил Ван Джи, был дядей нынешнего Сына Неба.

Имя его до сих пор оставалось предметом споров в Поднебесной.

Император Инцзун доверился своему приближенному евнуху Ван Чжэню и лично возглавил поход на ойратов. В результате чего произошла Тумунская катастрофа. Половина министров из правительства последовала за ним и не вернулась, армия столицы была полностью уничтожена, а ойраты собирались нанести по ней удар. В то время принцу, нынешнему Императору, было всего два года, и он не мог стоять во главе государства, особенно в столь критическое для страны время.

Юй Цянь и иже с ним приняли ответственное решение и посадили на трон младшего брата Императора Инцзуна, Императора Цзинтая, дабы оказать сопротивление ойратам и успокоить сердца жителей страны. Благодаря этому Великому Мин удалось спасти.

Через некоторое время Император Инцзун был освобожден из ойратского плена. Однако Император Цзинтай уже занял трон и, конечно же, отказывался уступать его. Да даже если бы он и вернул трон брату, они бы уже не смогли наладить отношения, так как Инцзун, несомненно, начал бы относиться к нему с подозрением. Поэтому Император Цзинтай поместил вернувшегося брата под домашний арест, после чего правил в течение семи лет.

Однажды, когда он серьезно заболел, во дворце произошел новый переворот. Группа министров вызволила императора Инцзуна из Холодного дворца, посадила на трон и отправила Императора Цзинтая под домашний арест. На этом вражда между братьями закончилась, так как месяц спустя Император Цзинтай умер. Отец нынешнего императора затаил на него злобу за то, что Цзинтай отнял у него трон, лишил Императорского титула и даровал позорное посмертное храмовое имя. И только после его смерти Чэнхуа, став императором, восстановил доброе имя своего дяди.

Если так посмотреть, нынешний Император был не таким уж и плохим человеком. У него было доброе сердце, однако он совсем не заботился об управлении страной, что привело к неразберихе при Дворе.

К слову, Ван Джи упомянул имя Императора Цзинтая не затем, чтобы Тан Фан предался воспоминаниям о прошлом. Он хотел указать на накопившиеся между двумя императорами обиды.

Император Цзинтай правил в течение семи лет. За это время он наверняка заимел верных ему людей. Большинство из них, правда, были обезглавлены после того, как отец нынешнего Императора вернул власть. Более удачливые из них поджали хвосты и затаились, не способные что-либо предпринять.

Но нельзя было гарантировать, что среди этих молчаливо терпевших столько лет людей не было никого, кто мог бы использовать Фу Ру, чтобы навести беспорядок: не только спровоцировать ссору между Благородной наложницей Ван и наследным принцем, но и зародить в душе Императора семена недоверия к Благородной наложнице, тем самым свергнув Двор в хаос.

Поэтому предположение Ван Джи было вполне разумным.

— Нашли что-то подозрительное в покоях Фу Ру? - поинтересовался Тан Фан. - Что говорит Благородная наложница?

— Покои Фу Ру вместе со всем дворцом Благородной наложницы были перевернуты вверх дном. Мы ничего не нашли. В личных вещах Фу Ру не было ничего необычного, они состояли лишь из подарков Благородной наложницы, накопленных за столько лет...

— Подожди, - перебил его Тан Фан. - Значит, у Фу Ру не было родственников вне дворца? Она не передавала драгоценности никому из своей семьи?

— Хороший вопрос, - хмыкнул Ван Джи. - Приятно иметь дело с умным человеком. Нет, ничего такого. Все подарки на месте. Что касается денег, то точно подсчитать невозможно, но, кажется, сумма верная. Я проверил, у нее нет семьи вне дворца. Родители умерли, когда она была ребенком, после чего Фу Ру воспитывалась в семье дяди. Затем она вошла во дворец, а дом дяди сгорел дотла во время пожара в столице. Вся семья переехала. Куда - неизвестно.

Тан Фан молча слушал его.

На первый взгляд могло показаться, что случай с семьей дяди Фу Ру весьма подозрителен, однако на самом деле пожары были обычным делом в то время, и их не следовало слишком сильно воспринимать всерьез.

Так, например, семья Фэн Цинцзы из дела князя Ву Аня была уничтожена и разбросана по миру из-за родственной связи с преступником, а все их соседи разъехались кто куда после пожара, что вызвало у Тан Фана некоторые трудности при расследовании.

У Фу Ру не было никого за пределами дворца, поэтому ей некому было отправлять деньги, и они оставались при ней. Возможно, она надеялась, что в будущем у нее получится покинуть

дворец и выйти замуж. Однако Благородная наложница слишком полагалась на нее, из-за чего та все время была занята. Если бы не произошедшее, она бы могла остаться во дворце навсегда и даже получить высший ранг.

— Узнав об этом, - продолжил Ван Джи, - Благородная наложница пришла в ярость. Она не ожидала, что Фу Ру совершит подобное, поэтому велела мне выяснить о ней всю правду.

Но даже если она так сказала, как Ван Джи должен был расследовать? Какой бы могущественной ни была Западная Ограда, все свидетели мертвы, а тот, кто стоял за этим, не найден. Не мог же он просто взять улики из воздуха!

Однако услышав домыслы Ван Джи касательно Императора Цзинтая, Тан Фан очень испугался, что тот сфабрикует какие-нибудь доказательства, чтобы выслужиться перед Благородной наложницей Ван.

Ван Джи, на самом деле, не был каким-то особенно коварным злокозненным человеком, иначе он бы не прислушался к предложению Тан Фана, не стал бы налаживать хорошие отношения с принцем и помогать скрыть истинные мотивы Юань Ляна. Однако все это не означало, что он был хорошим человеком, который заботился о других людях.

Ван Джи был Командующим Западной Ограды, а посему им двигало лишь желание построить блестящую политическую карьеру. Не забывайте, сколь много важных фигур пало от его руки. Он ведь планировал заставить Фу Ру замолчать, да только она опередила его.

— Фу Ру мертва, она не сможет дать показания, - ответил Тан Фан. - Все это должно остаться между нами, однако семью ее дяди можно попробовать отыскать.

Он имел в виду, что, так как Фу Ру была мертва, а все доказательства были уничтожены, это дело можно было просто передать в Министерство наказаний, а в будущем, если получится, попробовать найти еще какие-нибудь улики.

— Хорошо-хорошо! - нетерпеливо перебил его Ван Джи. - Прекращай использовать на мне эти приемчики гражданских чинуш. Тебе меня не прочитать, я поступаю не так, как ты, и не нуждаюсь в твоих советах! С тех пор как я с тобой связался, еще не произошло ничего хорошего! Если бы Благородная наложница не доверяла мне, мне бы пришлось тяжело!

Господин Тан молча слушал его нытье и думал: «Это ты первым отыскал меня, а теперь говоришь, что я приношу несчастья».

Через некоторое время Ван Джи надоело ругаться на бессловесного Тан Фана, поэтому он решил сменить тему:

— Его Высочество попросил кое-что передать тебе.

— И что же это? - удивленно спросил Тан Фан.

— Люди борются за Весенние орхидеи и потешаются над Осенними хризантемами, небеса повелели яркой луне сопровождать Вечернюю звезду.

Тан Фан внезапно улыбнулся.

— Что за глупые загадки? – Ван Джи с подозрением посмотрел на него.

В прошлый раз, когда они с принцем виделись друг с другом из-за смерти Юань Ляна, Тан Фан очень волновался, что это дело оставит след в душе мальчика. Он волновался, что в сердце наследного принца, на которого возлагает свои надежды столько людей, может поселиться злоба, которая собьет его с верного пути.

Поэтому он воспользовался случаем и рассказал принцу парочку древних мудрых изречений, в надежде донести до него, что не стоит падать духом из-за произошедшего, что в мире, несмотря на огромное количество несправедливости и тьмы, намного больше добрых людей, которые делают все возможное, чтобы изменить мир к лучшему. Злодеи предпочитают объединяться в группы, мстить и идти по головам, тогда как муж благородный строг и честен, он не будет действовать как злодей. Из-за этого кажется, что злодеев в мире больше, чем благородных мужей.

Тан Фан надеялся, что наследный принц из-за дела Юань Ляна не решит, что этот мир жесток и несправедлив, и что целей можно достичь лишь нечестными и темными путями.

В то время принц был слишком опечален смертью Юань Ляна и практически никак не отреагировал на слова Тан Фана. Тан Фан не был его учителем и не обладал полномочиями, чтобы наставлять его. Все, что он мог, это воспользоваться этой возможностью и сделать все, что в его силах.

Он не ожидал, что наследный принц запомнит его слова.

«Люди борются за Весенние орхидеи и потешаются над Осенними хризантемами, небеса повелели яркой луне сопровождать Вечернюю звезду».

Это была цитата из стиха Су Дунпо (писатель времен Северной Сун). Что это, если не ответ Тан Фану, выражающий стремления наследного принца?

Самым замечательным было то, что мирный посыл и глубина второй половины цитаты служили прекрасной интерпретацией его первой половины.

Этот ответ не содержал в себе обиды или желания мести, и в то же время не являл собой лишь проявление формальной вежливости по отношению к Тан Фану.

По всей видимости, маленький принц не особо задумывался над ответом.

Чем больше люди разочаровывались нынешним бездарным и бесполезным Двором, тем больше надежд они возлагали на наследного принца.

Услышав ответ принца, Тан Фан не мог описать того умиротворения, что он почувствовал в своем сердце.

В этот момент он понял, что все, что они с Ван Джи сделали, чтобы прикрыть Юань Ляна и не дать втянуть в это дело принца, рискуя при этом навлечь на себя гнев Благородной наложницы, стоило того.

Простые люди, переполняемые злобой и ненавистью, которые не боятся свернуть на неверную дорожку, в худшем случае заканчивают как Хань Хуэй. Однако, если подобные чувства переполнят сердце монарха, пострадает весь народ Поднебесной.

И наоборот, монарх, милосердный и широко мыслящий, стал бы настоящим благословением для Великой Мин и всей Поднебесной.

Тан Фан не был особо чувствительным и сентиментальным человеком, но это не означало, что ему нравилось смотреть, как гибнут люди. Каждый раз, когда очередное дело заканчивалось, вычислить убийцу было отрадно, однако его поимка не оживила бы умершего.

На этот раз же, немного повздыхав о напрасной смерти Хань Цзао, он наконец почувствовал легкое утешение.

Он объяснил значение этой строчки Ван Джи, а затем добавил:

— Такой наследный принц - настоящее благословение!

Ван Джи предпочел промолчать. Он был евнухом, а посему у него на этот счет было свое мнение, отличающееся от позиции Тан Фана, гражданского чиновника.

Он полагал, что еще рано думать о восшествии на престол наследного принца - слишком уж нескоро это произойдет. Сейчас у него были более важные дела. Например, ему просто необходимо было свершить парочку значимых поступков, чтобы компенсировать неудачу в этом деле. В противном случае, даже если Император с Благородной наложницей и не станут возлагать на него вины, Шан Мин из Восточной Ограды обязательно воспользуется случаем, чтобы обойти его. А уж с этим евнух Ван никак не мог смириться.

— В последнее время в Цзяннани беспокойно, - обратился он к Тан Фану. - В северных пустынях тоже не все тихо. Как думаешь, куда мне лучше ехать, на юг или на север?

Дело Восточного дворца было закрыто. Отношения между этими двумя можно было назвать дружескими, по крайней мере ссориться им было не из-за чего: конфликта интересов пока не предвиделось. Поэтому Тан Фан не удивился, услышав этот вопрос из уст Ван Джи. Это означало лишь, что тот ценит его способности и проницательность.

Кроме того, Ван Джи сильно отличался от других евнухов.

Обычные мужчины мечтали лишь о двух вещах: безграничной власти и покорных их воле красавицах.

Последнее не имело к евнухам никакого отношения, поэтому с незапамятных времен многие из них стремились к власти и получали удовольствие от обладания ею.

Однако власть их обычно не распространялась дальше дворца и Двенадцати Дворцовых Управлений Великой Мин, особенно Управления церемониями и Управления императорскими конями. Первое занималось утверждением приказов. Евнухи в нем выступали в качестве посредников между Императором и министрами, а также выполняли роль его писцов. Второе Управление имело отношение к армии. Именно на эти два учреждения и заглядывались все

дворцовые евнухи, стремясь попасть туда во что бы то ни стало.

В каждом таком учреждении особо важными были две позиции: Хранителя печати и Держателя пера.

В настоящее время Хранителем печати в Управлении церемониями был евнух Хуай Энь, а в Управлении императорскими конями – Лян Фан. И хотя Шан Мин с Ван Джи были командующими Восточной и Западной Оград, они не обладали столь большим опытом, как эти двое, так что могли претендовать лишь на статус Держателя пера, а не на Хранителя печати.

Шан Мин на тот момент был сосредоточен на расширении сфер влияния Восточной Ограды. Он активно боролся с Ван Джи и продвигался по службе в надежде однажды занять должность Хуай Эня или Лян Фана.

Для Ван Джи же и этого было мало. Если играть, то по-крупному. С такими амбициями было бы слишком обидно просидеть всю жизнь во дворце.

Таким образом, он устремил свой взор на огромный внешний мир.

В эпоху династии Мин существовало правило, согласно которому во время сражений на границу посылали чиновника из Дворца, чтобы он служил глазами и ушами Императора и не дал генералам сговориться и обмануть Его Величество.

После Тумунской катастрофы силы ойратов, представлявших когда-то большую угрозу для Великой Мин, постепенно ослабли. Власть на равнинах постоянно сменялась и разделялась. Не буду вдаваться в подробности, к тому же, это не имеет отношения к Династиям Центральных равнин. Если кратко, то ойраты находились на грани исчезновения. В то время появился новый народ – татары, однако они также не обладали никакой централизованной властью и жили по принципу «все против всех». Каждое племя боролось с соседскими и у каждого был свой правитель.

Однако все это нисколько не мешало им совершать набеги на границы Мин. Неприязнь их друг к другу была взаимной: народ Мин считал татар варварами, которые только и могли, что сжигать, убивать и грабить, а татары полагали Великую Мин жирной овцой, от которой нельзя было не отхватить кусочек.

В то же время на южном берегу Хуанхэ между Нинся и Шаньси находились огромные территории, называемые Хэтао. Земли там были весьма плодородными: много воды, растительности и природных ресурсов. Атаковать эти территории было легко, а вот защитить – трудно. Для защиты этих земель Великой Мин требовалось слишком много сил, а ойраты и татары могли напасть в любую минуту, поэтому Император Юнлэ, Чжу Ди, сместил линию обороны ближе к центру, что было равносильно отказу от защиты этих территорий.

Однако из-за этого возникла новая проблема: благодаря смещению линии обороны татары могли без особого труда вторгнуться в Хэтао, а затем оттуда атаковать стратегически важные приграничные города Великой Мин, чем татары и занимались, регулярно совершая на них набеги.

Если бы подобное происходило во времена Императора-основателя или Императора Юнлэ, с

этой проблемой бы уже давно разобрались: Его Величеству было бы достаточно лишь махнуть рукой, чтобы отправить армию на север, побить татар и навсегда прогнать их зализывая раны.

Однако теперь страной правил Чэнхуа. Армия Великой Мин, еле пережившая Тумунскую катастрофу, познала страх, и боевой дух солдат был не так силен, как во времена основания династии, когда армия была практически непобедима. К тому же все осложняли министры при Дворе...

Раз уж эти министры не хотели и палец о палец ударить, как можно было ожидать, чтобы они вдруг решились атаковать татар и отвоевать Хэтао?

Кроме северной границы также существовала и южная. На тот момент там не было никаких войн, однако в богатых землях Цзяннаня свирепствовали бандиты, процветала коррупция, а чиновники и торговцы вступили в сговор и обманывали Двор. Подчиненные подражали своему начальству и били баклуши вместе с ними. Жалования у чиновников в эпоху династии Мин были крошечными, поэтому не было ничего удивительного в том, что никто не желал работать так же усердно, как во времена основания династии.

Помимо всего этого на юго-западе в Сунпани более года назад из-за притеснений местных властей взбунтовался народ Мяо. И хотя позже мятеж был подавлен, и многие бунтовщики лишились своих голов, мир в этом регионе так и не наступил. Такие люди, как Ван Джи, не желали спокойной жизни без войн и восстаний. Они надеялись на возникновение очередного мятежа, чтобы, подавив его, выслужиться и завоевать себе славу.

А Ван Джи всем сердцем жаждал подобных подвигов. Ему не было особого дела до смертельной вражды с Шан Мином, так как она не стоила его сил. Вместо этого он устремил свой взор на эти две территории.

Через Пань Биня Тан Фан как-то уже предлагал Ван Джи: «Военные заслуги, Восточный дворец», – посоветовав ему смотреть дальше дворца и при этом наладить хорошие отношения с наследным принцем. А сделал он это потому, что видел беспокойный характер Ван Джи.

Теперь же, когда Ван Джи задал ему этот вопрос, Тан Фан не стал держать того в неведении и ответил прямо:

— На север.

— Почему? – спросил Ван Джи.

— На юге не происходит ничего серьезного, – отвечал Тан Фан. – Лишь коррумпированные чиновники. Если не произойдет ничего масштабного, Двор не обратит на него особого внимания. Даже если ты, Командующий, отправишься туда и арестуешь парочку коррупционеров, чтобы утвердить свой авторитет и власть, Его Величество не оценит твоего поступка, решив, что ты не сделал ничего существенно важного.

Кроме того, Тан Фан решил не упоминать, что появление столь могущественного евнуха вроде Ван Джи привело бы лишь к еще большему беспорядку: каждый попытался бы выслужиться перед ним. Лучше было бы покорить парочку соседних племен, чтобы вернуть земли Великой Мин и расширить ее территории.

— Да, я тоже так думаю, - лицо Ван Джи несколько просветлело. - Если играть, то играть по-крупному. Что хорошего в маленьком улове? Сейчас татары доставляют слишком много беспокойств Великой Мин. Если смогу вернуть Хэтао, совершу великий подвиг!

— Вернуть Хэтао - дело не быстрое, - тотчас поправил его Тан Фан. - Пожалуйста, Командующий Ван, подумай дважды. Если получится преподать татарам урок и отучить их впредь не совершать опрометчивых набегов на границы, это уже будет серьезным вкладом в историю Великой Мин!

Однако Ван Джи не желал его больше слушать:

— Ладно, ты не военный, не разбираешься в этом. Хватит уже болтать.

Тан Фан: «...»

«Тогда зачем вообще спрашивал? Просто искал одобрения?» - возмутился про себя он.

— Выберу подходящий момент и отправлю Его Величеству прошение отвоевать Хэтао, - продолжил Ван Джи.

— Как насчет пари? - не удержался и ляпнул Тан Фан.

— По поводу? - удивился Ван Джи.

— Твое прошение отвоевать Хэтао будет отклонено.

— Чиновники во Дворе трусливы и боятся посылать войска, - недоверчиво проговорил Ван Джи. - Однако я могу говорить напрямую с Его Величеством. Если я попрошу дать мне войска, Его Величество согласится.

— Тогда давай поспорим, Командующий Ван, - продолжал упорствовать Тан Фан.

Ван Джи был моложе его, поэтому, конечно же, тотчас загорелся этой идеей, и его обуял азарт:

— Ладно, на что спорим?

— Если я выиграю, ты угостишь меня обедом в павильоне Сяньюнь. Суп с крабовой икрой и тофу там был просто восхитительным!

— ... ты не можешь сам туда сходить? - недоумевал Ван Джи: «Зачем ему понадобилось спорить?»

— У меня жалования не хватит! - невинно захлопал ресницами Тан Фан.

Ван Джи: «...»

«Вот уж действительно великий обжора!» - пронеслось у него в голове.

***

Послесловие автора:

Сегодня, когда выкладывала главу, долго думала, как ее назвать: по-литературному красиво или по-тупому.

И в конце концов решила по-тупому...

По-литературному были бы те самые строчки, что маленький принц просил передать господину Тану, да ~

Люди борются за Весенние орхидеи и потешаются над Осенними хризантемами, небеса повелели яркой луне сопровождать Вечернюю звезду.

Эта глава очень теплая и светлая, не такая тяжелая, как предыдущие две, не так ли?

Давайте, улыбнитесь ~ (* ^ __ ^ *) Y

Кстати, забыла упомянуть, что Императору Чжу Ди пришлось долго ждать, пока Император Цзяцзин (внук нынешнего Императора Чэнхуа) не сменит его храмовое имя на Чэнцзу. До этого его величали Тайцзун. Но поскольку все привыкли называть его Мин Чэнцзу, и не понимали, о каком Тайцзуне идет речь, чтобы не было путаницы, его стали звать Императором Чэнцзу ~ (Поясняю: Тайцзун, 太宗, в принципе означает «храмовое имя»)

Это дело наконец-то завершилось, и сегодня я готова слушать похвалу в свой адрес!

По предварительным прогнозам, в следующей главе будет много милостей, бытовухи, а также сильного и властного домочадца (которого наконец-то выловили из компостной ямы...)!

Если кто-то начнет меня ругать, спущу на него домочадца, чтоб покусал!

***

Примечания переводчика:

Я тоже не поняла смысла этой цитаты из стиха Су Дунпо, не волнуйтесь ;D

Сразу вспомнилась сценка из дорамы, когда герои в Юнхэ попались местным «разбойникам» и ТФ вел какую-то умную беседу с их главарем, а вся остальная честная компашка во главе с СД стояла и недоумевала, что происходит и о чем речь)

Следующая глава входит в число моих любимых) Так что вот, да, ждите теперь ~

А ждать придется долго, потому что 3 том наконец позади, и я иду на заслуженный перерыв недели на 2. Очень уж я устала от 3 тома, он был тяжелый)

Во время перерыва планирую что-то попереводить по Сыщику. А выбор большой: два оста, три индивидуальных интервью с ведущими актерами и куча закадровых. Так что в группе вк Уголок СуйТанов запущу голосование. Что успею перевести, то успею. Что не успею - пойдет на следующий перерыв.

Следующий том называется «В Министерстве наказаний». Чуете? Кажется, кого-то наконец повысят!

Все ожидающие, милости прошу в Уголок СуйТанов (там же можно и задонатить мне любимой,

да)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1482479>